

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Д.А. Савченко*

ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «ИЗМЕНЫ ГОСУДАРЮ ВСЕЯ РУСИ» В РУССКОМ ПРАВЕ НАЧАЛА XVI ВЕКА

Аннотация. В работе исследуются нормы русского права конца XV – начала XVI в. о понятии и формах проявления измены великому князю Московскому и всея Руси. Анализируются тексты междукняжеских договоров и крестоцеловальных записей. Особое внимание уделено обязательствам, несоблюдение которых расценивалось как измена «государю всея Руси». Отмечено, что договоры закрепляли следующие обязательства: «не дружить и не ссылаться с недругами государя»; хотеть ему добра, «не ссылаться и не одиначиться» ни с кем «на лихо» государя, сообщать государю все услышанное о его «добре или лиесе»; «отчину» великого князя «блюсти, и не обидети, ни вступатися, ни подыскивати некоторую хитростью». Крестоцеловальные записи предусматривали также обязанности: «никуда не отъехати»; «служить князю, княгине и их детям» «вправду, безо всякие хитрости»; «лиха... не мыслити, ни думати, ни делати» и «о готовящемся на государя лихе известить». Общим для всех форм измены было обстоятельство, характеризующее способ совершения преступления, – невыполнение взятых под клятвой обязательств и злоупотребление доверием, сопряженное с клятвopреступлением. Нарушение обязательств перед «государем всея Руси», данных под крестным целованием, приобрело в первой половине XVI в. характер не просто измены конкретному князю, а осуждаемой церковью измены Московскому государству, которое великий князь олицетворял.

Ключевые слова: история права, Великое княжество Московское, государь всея Руси, междукняжеские договоры, крестоцеловальные записи, религиозная присяга, измена государю, поручные записи, записи проклятые, изменные дела.

DOI: 10.7256/1729-5920.0.0.9252

1. Государственная измена относится к числу наиболее опасных преступлений, борьба с которым является важным элементом охраны основ политического строя и безопасности государства. Зарождение понятия о государственной измене в отечественном праве относится к XV–XVI вв. Оно было связано с приобретением великим князем Московским нового статуса – статуса самодержца и «государя всея Руси».

К началу XVI в. в религиозно-политическом положении прежде раздробленных и длительное время находившихся в иностранной зависимости русских земель произошли существенные изменения. Они были связаны с освобождением русских княжеств от ордынской зависимости и формированием централизованного государства со столицей в Москве. Процесс создания централизованного самодержавного государства

© Савченко Дмитрий Александрович

* Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Новосибирского государственного университета экономики и управления [s-d-63@mail.ru]

630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, д. 56.

активно поддерживала Русская православная церковь.

Одной из ведущих задач Московского государства было формирование системы безопасности нового политического строя. Ее неотъемлемым элементом стали правовые институты уголовно-правовой охраны власти. Они были основаны на исторически сложившихся правилах ответственности за наиболее опасные преступления, к которым относились, в частности, посягательства на жизнь господина («государя») и крамола. В Судебнике 1497 г. – первом систематизированном законодательном акте русского централизованного государства – за эти преступления была установлена смертная казнь¹.

Вместе с тем в механизме обеспечения безопасности обновленной политической системы русского государства значительную роль играл еще один правовой институт, прямо в Судебнике не обозначенный. Речь идет об институте ответственности за измену великому князю Московскому и всея Руси. Фигура «изменника» и понятие «измена», которое, по С.Ф. Платонову, характеризовало все формы непослушания властям², постепенно заняли центральное место в русской доктрине политической преступности³.

По наблюдениям И.И. Срезневского, в древнерусском языке слово «измена» означало «замена», «изменение» (например условий чего-либо); «смена» (например смена одежды); «отступничество»⁴. Таким образом, этимологически слово «измена» первоначально означало замену или смену кого- или чего-нибудь.

В домосковский период в русских княжествах существовали два относительно самостоятельных вида измены, имеющих юридическое значение: «измена (смена) веры», то есть вероотступничество, и «измена (замена)

господина (государя) или союзника». Их религиозно-правовая природа и юридические последствия были неодинаковыми.

Измена веры (отступничество), то есть переход в язычество, иудаизм, магометанство, рассматривалась как нарушение обязательства перед Богом, взятого при крещении, и одно из наиболее тяжелых прегрешений (смертный грех), а с социальной точки зрения – как посягательство на основы религиозно-общественного строя. Она влекла церковное наказание, а при отсутствии смягчающих обстоятельств (например пленения неприятелем) и «градскую казнь», сопряженную с конфискацией имущества (главы 27–34, грань 39, Градской закон).

Измена (замена) государя или союзника имела иную социальную природу. Средневековое понятие «господарь» («государь») охватывало всякого, кто имел других людей в личной зависимости. Государями были, в частности, глава семьи для своей жены и детей, боярин для своих холопов, князь для своих бояр. В регламентации отношений между зависимым и его государем важную роль играли обычаи («старина») и нормы религиозно-правового характера. Так, отношения между членами семьи непосредственно регулировались каноническим правом, а наказания за преступления против отца и ближайшего родственника предусматривались Законом Моисеевым.

Обязательства перед государями в иных случаях вытекали из обычаев и канонических норм, устанавливавших основания потери свободы, а также из договоров, по которым одно лицо признавало над собой власть другого. Такие договоры сопровождалась религиозной клятвой (для христиан – целованием креста), призванной закрепить и гарантировать соблюдение заключенного соглашения. Невыполнение обязанностей перед государем в этом случае рассматривалось и как клятвopреступление, влекущее соответствующее наказание.

Целованием креста подкреплялись и договорные грамоты удельных князей с великим князем («докончальные целовальные грамоты»), который еще не был для них государем в политическом смысле, но признавался в до-

¹ Об охране власти по судебникам XV–XVII вв. см.: Агузаров Т.К., Чучаев А.И. Уголовно-правовая охрана власти (XI – начало XX в.) : исторические очерки. М., 2011. С. 37–51.

² Тельберг Г.Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века. М., 1912 ; Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. СПб., 1901. С. 156.

³ Рогов В.А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII вв. М., 1995. С. 154.

⁴ «А что переиде черес срок 4 дни, а в том князю измены не учинити» (Договорная грамота Новгорода с великим князем Михаилом Ярославичем около 1316 г.) (Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 1. Ч. 2: Е–К. С. 1067).

⁵ Не случайно Иван III так обосновывал свои права государя на власть над новгородцами, желавшими освобождения от Москвы: «И от того Рюрика... даже и до мене... мы владеем вами и жалует вас и бороним отसे, а и казнити волны же есмь, коли на нас не по старине смотриши начнете» (Полное собрание русских летописей. Т. 25. М.–Л., 1949. С. 285).

говоре за отца или за старшего брата, то есть за государя в смысле семейном.

Таким образом, имевшие политическое значение отношения между князьями и боярами, а также отношения князей между собой юридически основывались на документах, подкрепленных целованием креста, тем самым получивших религиозное основание. И если «государский изменник», то есть лицо, меняющее своего государя, нарушал при этом взятые на себя под клятвой обязательства, возникало основание для его наказания.

При этом бояре, которые входили в княжескую дружину и служили князю «по дружбе и товариществу», могли по желанию идти на службу к любому удельному князю и свободно переходить от одного князя к другому. Как отмечал В.А. Линовский, князья поддерживали это право бояр, так как оно «помогало умножению их дружины»⁶. Ю.Г. Алексеев в связи с этим подчеркивал, что в XIV – первой половине XV в. «право свободного отъезда бояр и вольных слуг гарантировалось всеми межкняжескими докончаниями»⁷. Лишь если отъезд сопровождался нарушением взятых на себя обязательств по несению службы перед государем, наступали неблагоприятные последствия, прежде всего имущественного характера. Поэтому не случайно, что в договорных грамотах нередко специально уточнялись случаи, которые не должны расцениваться как измена⁸.

2. Исчерпывающий перечень видов наказуемой измены вряд ли существовал, так как нарушаемые обязательства могли быть разнообразными, в зависимости от содержания каждого конкретного договора. Общими для всех видов измены были обстоятельства, характеризующие способ совершения преступления (схожие по своей уголовно-правовой природе с обманом), – невыполнение взятых под клятвой обязательств и злоупотребление доверием, сопряженное с клятвoprеступлением⁹.

Решающее значение имела в этом случае характеристика личности изменника, нарушившего обязательство верности, то есть посягнувшего на основополагающие принципы общественного устройства того времени, а потому представляющего повышенную опасность и заслуживающего церковного и светского наказания. Отмеченное обстоятельство, вероятно, и предопределило формирование относительно самостоятельного религиозно-правового института ответственности за измену государю.

Есть основания полагать, что первоначально этот институт выполнял фискально-восстановительную (в сфере имущественных отношений, связанных прежде всего с землей и иной недвижимостью), а затем и карательную функции (конфискация имущества, а также казнь изменника, чья измена была связана с совершением преступления, например упомянутых в Судебнике 1497 г. «государского убойцы» или крамольника).

Образование и развитие Московского централизованного государства в конце XV – начале XVI в. поставило на повестку дня вопрос об использовании предупредительного потенциала института ответственности изменника, об усилении его профилактического значения в аспекте охраны политических интересов великого князя Московского. Активное участие в этом принимала русская церковь.

Как обоснованно отмечал Б.Н. Флоря, с середины XV в. наметились перемены в отношениях церковной и светской власти в этой сфере¹⁰. В 40–50-е гг. XV в. Собор епископов, а затем митрополит прибегли к церковным санкциям (вплоть до отлучения) по отношению к политическим противникам великого князя Московского Василия II. Достаточным основанием для этого явился факт нарушения Дмитрием Шемякой крестного целования старшему брату¹¹. «Попрал еси свое православие и крестное целование ни во что же вменив», – писали этому князю епископы¹².

⁶ Линовский В.А. Исследование начал уголовного права, изложенных в Уложении царя Алексея Михайловича. Одесса, 1847. С. 13.

⁷ Алексеев Ю.Г. Судебник Ивана III: традиция и форма. СПб., 2001 С. 211.

⁸ «А поидет на нас рать, ехати мы от вас или брату моему без хитрости, а то нам не в измену» (Договорная грамота Дмитрия Ивановича 1367 г.) (Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. С. 1067).

⁹ Например, Львовская летопись под 1462 г. содержит следующее сообщение: «Поймали княжих дворян... в измене, что хотели вынати князя Василья Ярославича с Углича из заточения» (Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1979. Вып. 6. С. 172).

¹⁰ Флоря Б.Н. Исповедные формулы о взаимоотношениях церкви и государства в России XVI–XVII вв. // Одиссей. Человек в истории. 1992 : Историк и время. М., 1994. С. 207–208.

¹¹ В XIV в. к подобной практике прибегал митрополит Алексей – фактический правитель Великого княжества в малолетство Дмитрия Донского. Он мотивировал свои санкции тем, что противники Дмитрия вступили в союз с язычниками-литовцами (Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 207).

¹² Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. М., 1986. Ч. 1. № 19.

Стремление приравнять политических противников великого князя к отступникам от веры нашло выражение в некоторых деталях применявшихся к ним репрессий. Так, в 1462 г. перед казнью серпуховских дворян, пытавшихся освободить из тюрьмы своего арестованного князя, Василий II «и отцемь духовным не велел приступити к ним»¹³.

Позиция церкви отразилась, в частности, в тексте епитимийника «Покаянье» (по рукописи XV в.). После описания епитимий за различные проступки здесь закреплялось правило: «А крест целовав, изменил к кому, за то и до смерти плакаться». Это означало, что нарушение крестного целования признавалось таким тяжким грехом, который не может быть искуплен какой-либо епитимией¹⁴.

Б.Н. Флоря отмечал, что христианство отличается от других религий «той значительной ролью, которая отводилась регулярной исповеди в деле нравственного воспитания верующих. Исповедь должна была побудить грешника к покаянию, способствовать восстановлению нарушенной грехами связи между человеком и Богом». В первой половине XVI в. из общего вопросника на исповеди был особо выделен круг вопросов для «властелина и вельможи», где первым пунктом значилось: «Аще, господине, не изменил ли еси государю великому князю крестного целования и не думал ли еси на него которого зла». «Признание нарушения присяги тяжким злом логически вело к тому, чтобы на борьбу с этим грехом церковь направила свои силы, в том числе и в такой важной и наиболее интимной сфере отношений, как общение духовника и прихожанина на исповеди»¹⁵.

3. Правила, нарушения которых оценивались как измена, формулировались в договорах и крестоцеловальных записях¹⁶. В этих документах закреплялись гипотеза и диспозиция (в положительной форме) уголовно-правовой

нормы московского законодательства о наказании изменника.

Наиболее полно соответствующие предписания отражены в *договорах* 1486 г. Ивана III с удельным князем Борисом Волоцким и удельным князем Андреем Углицким. Договоры были заключены в связи с ликвидацией Вереиско-Белозерского удела и включением Великого княжества Тверского в политическую систему, возглавляемую великим князем Московским. Эти события 1485–1486 гг. стали важным этапом в строительстве русского централизованного государства.

Как подметил А.А. Зимин, по указанным договорам Иван III для своих братьев теперь не только «брат старейший», но и «господин» и «великий князь всея Руси». Кроме того, в договоре с князем Борисом впервые детально раскрыт вопрос о недопустимости сношений с «недругом» – великим князем Литовским и великим князем Михаилом Борисовичем (Тверским).

Ю.Г. Алексеев обращает внимание на то, что «традиционные декларации типа “А кто будет мне... недруг, тот и тебе недруг”¹⁷, “А что ты слышев о нашем добре или лисе... а то ти нам поведати в правду, без хитрости” приобретают теперь совершенно конкретные, четкие очертания»¹⁸.

Вторая статья договоров, направленная против сношений с внешним врагом, гласила: «А с королем Казимиром и с великим князем литовским, с нашим недругом, и с его детми, или хто ни будет королем или великим князем на Литовской земле, а также и с великим князем Михаилом Борисовичем, не ссылатися с ними»¹⁹.

Третья статья была специально посвящена актуальным для 80-х гг. XV в. вопросам внутренней безопасности: «Также ти и в нашу отчину, в Великий Новгород и во Псков, не ссылатися ни с кем на наше лихо, никакими делы, хитростью»²⁰. Лишь после этого dokonчание включало традиционное правило: «Также ти с ыным ни с кем не ссылатися и не одиначитися на наше лихо»²¹.

¹³ Полное собрание русских летописей. Т. 16. СПб., 1889. Стб. 208.

¹⁴ Полное собрание русских летописей. Т. 16. Стб. 208.

¹⁵ Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 208.

¹⁶ Еще в середине XIV в. московский князь Василий II обвинял тверского князя Бориса Александровича следующими словами: «Аще еси ко мне изменил и крестное целование забыл, и с Шемякою еси думал, и с своим шурином на меня и рать еси посылал на Москву, то все ныне забуду, а ныне буди со мною един человек, и прииму тя в любовь и во одиначество; аще ли сего не восхощеши, то имам воевати отчину твою и грады твоя имати» (Полное собрание русских летописей. СПб., 1910. Т. 23. С. 153). Санкция за нарушение крестного целования здесь – военный поход на изменника.

¹⁷ В договорных грамотах младших и старших князей традиционно говорилось: «Быти тебе с нами, а нам с тобой», что означало принятие обязательства иметь общих врагов и друзей («кто будет мне недруг, то и тебе недруг, кто будет мне... друг, то и тебе друг») (Белковец Л.П. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей как памятники права Московской Руси XIV–XV вв. // История государства и права. 2012. № 20. С. 40).

¹⁸ Алексеев Ю.Г. Указ. соч. С. 8.

¹⁹ Алексеев Ю.Г. Указ. соч. С. 7.

²⁰ Алексеев Ю.Г. Указ. соч. С. 8.

²¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 6. С. 9.

Итоговое обязательство было связано с сохранением за великим князем его земель («отчины»): «и того ти всего подо мною, под великим князем, и под моим сыном, под великим князем, и под нашими детьми блюсти, и не обидети, ни вступатися, ни подыскивати никоторую хитростью, ни твоим детям»²². При этом «отчиной» великого князя Московского названа и тверская земля, которую «дал нам Бог, есмь вотчину у своего недруга...»²³.

По образному замечанию Ю.Г. Алексеева, «от системы удельных княжеств, еще недавно – по духовной Василия Темного составлявшей и территориальную, и политическую основу Великого княжения Московского, теперь остались только реликты – островки, со всех сторон окруженные морем растущих владений великого князя»²⁴.

4. В условиях формирования и развития Московского самодержавного великого княжества решающую роль в реализации профилактической функции института «измены» начинают играть не только и не столько двусторонние договоры, сколько односторонние *клятвы в верности* (крестоцеловальные записи).

Крестное целование на верность великому князю первоначально совершали в основном жители городов, присоединяемых к Великому княжеству Московскому²⁵, – в первую очередь Новгорода, Твери, Вятки. Летописи сохранили указания о приведении населения присоединяемых к Москве городов к присяге на верность Ивану III.

Так, посредством обряда крестоцелования прошла легитимация власти Ивана III по отношению к Новгороду. Это означало, по словам К.А. Соловьева, «некий компромисс между полным своеволием великокняжеской

власти и «отчинной» традицией»²⁶. 18 января 1478 г. сообщалось, что «все людие Новгорода крест целовали: «На которой грамоте великим князем крест целовали есте, по той грамоте государем своим и правили бы есте по тому крестному целованию; а что услышит кто у брата своего у Новгорода о великих князех, о добре и лихе, и вам то сказати своим государем великим князем; а что учнут великие князи с вами говорити которое свое дело, или бояря великого князя кой с кем от вас иметь которое дело великих князей говорити, и того вам государьского дела не проносите по тому крестному целованию»²⁷.

К.А. Соловьев точно подметил: «У крестоцелования есть одно достоинство: его веками использовали для закрепления договоров, следовательно, этот способ понятен и не может вызвать ни сомнений, ни возражений. Но... крестоцеловальные грамоты широко использовались в междукняжеских отношениях именно как форма утверждения договора. А Ивану III хотелось избежать договорных отношений с Новгородом раз и навсегда». «Право на власть Ивана III в отношении Новгорода с этой грамоты начиналось как с чистого листа, и это – вынужденный компромисс, в условиях, когда ничего другого для утверждения власти, кроме голыи силы, нет»²⁸.

После овладения Тверью (1485–1486) Иван III «велел горожан всех к целованию привести да и от своей силы беречь, чтобы их не грабили»²⁹. Как отмечает Ю.Г. Алексеев, «катастрофой для великого князя Тверского Михаила Борисовича закончилась попытка возродить прежние союзные отношения с Литвой»³⁰. Он был вынужден бежать в Литву, а жители Твери 12 сентября 1485 г. во избежание разгрома открыли ворота московским войскам и были приведены к крестному целованию на верность Ивану III. Служилые люди тверских великих князей перешли на службу «государю всея Руси».

²² Словарь русского языка XI–XVII вв. С. 10.

²³ Невыполнение князем Андреем в 1491 г. одного из условий этого договора – о посылке своих войск против сыновей Ахмата по требованию Ивана III – позволило обвинить его в измене и крамоле. Удельные князья закончили свою жизнь в заточении, а сам Углицкий удел был ликвидирован, его жители приведены к целованию за великого князя (Алексеев Ю.Г. Указ. соч. С. 21–22).

²⁴ Алексеев Ю.Г. Указ. соч. С. 11.

²⁵ Схожий опыт был и в Литовско-Русском государстве. Так, сохранилась крестоцеловальная запись князя Федора Львовича Воротынского королю Польскому и великому князю Литовскому Казимиру от 5 февраля 1448 г. о «держании в наемничестве» города Козельска: «А не подати ми того первореченного города Козельска никому, только господарю своему... А сесь мои запись маю здержати господарю своему... без лъсти и без хитрости, по тому целованью...» (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / С.В. Бахрушин, Л.В. Черепнин. М.; Л., 1950. С. 149).

²⁶ Соловьев К.А. Власть Московского государя во второй половине XV в.: официальная позиция // Политическая концептология. 2012. № 4. С. 62.

²⁷ Полное собрание русских летописей. СПб., 1901. Т. 12. С. 187.

²⁸ Соловьев К.А. Указ. соч. С. 62.

²⁹ Цит. по: Рогов В.А. Указ. соч. С. 117.

³⁰ Великий князь Московский Василий Васильевич ранее признавал равноправие великого князя Тверского. Формальное равноправие («братство») между великими князьями Москвы и Твери подтверждало и докончание с Михаилом Борисовичем, заключенное Иваном III в первые годы своего великокняжения (Алексеев Ю.Г. Указ. соч. С. 12).

Одним из шагов в реализации новых идей о власти «великого князя всея Руси» стал поход московского войска на Вятку «за их неисправление»³¹. Целью похода было усмирение вятчан и окончательное включение Вятской земли в состав единого Русского государства, как была за 10 лет до этого включена Новгородская земля.

В ходе переговоров с московскими воеводами «люди большие вятчане» просили, чтобы «рать земли Вяцкие не воевала. А мы великому князю челом бьем и покоряемся всей воле великого князя, а дань даем и службу служим». Однако воеводы, следуя своим инструкциям, не согласились на компромисс и предъявили требование: «Целуйте же вы за великого князя от велика и до мала, а... коромольников выдайте головами». «Видяче свою погибель», вятчане покорились. По сообщению московской летописи, воеводы «города поимаша, а самих вятчан к целованию приведоша, а арян к роте приведоша»³². Как видим, к присяге на верность Ивану III приводились не только христиане, но и представители иных вероисповеданий, проживавшие на землях Московского государства.

Постепенно практика крестоцеловальных записей на верность великому князю расширилась. Уже в начале XVI в. они заняли господствующее положение.

Принятие Иваном III титула «великого князя всея Руси и самодержца» создало основу для приведения к присяге ему на верность всего населения расширившегося Великого княжества Московского. Все подданные, ранее находившиеся в зависимости от удельных князей, теперь при ликвидации уделов должны были признавать в качестве государя великого князя Московского.

Одним из результатов войны с Литвой (1492–1493) стало признание Ивана III «государем всея Руси» со стороны великого князя Литовского: «...мы, Александр... взял есмо любовь и вечное dokonчание с своим братом... Ываном, государем всея Руси...». Этот титул был официально признан и королем Максимилианом – будущим императором. Таким образом, к середине 90-х гг. образование

Российского государства стало фактом международных отношений³³.

В этих условиях нарушение обязательств перед Иваном III, данных под крестным целованием, приобрело характер не просто измены конкретному князю, но означало измену государству, которое «великий князь всея Руси» олицетворял. При этом фактически ликвидировалось право отъезда бояр с сохранением за ними недвижимого имущества. Все имущество отъезжающих переходило «великому князю всея Руси». Соответствующее правило было закреплено в завещании Ивана III под именем «великого разорения»³⁴.

5. Наметившиеся в последнее десятилетие великого княжения Ивана III представления о правовой природе измены получили дальнейшее развитие при великом князе Московском Василии Ивановиче.

К крестному целованию на верность Василию III приводилось население присоединяемых к Москве городов. При этом измена крестному целованию и попытка «передать город неприятелю» стали трактоваться как относительно самостоятельный вид преступления (не совпадающий с «коромолой»), заслуживающий смертной казни.

Кроме того, крестоцеловальные записи (а не «докончания») совершают князья и царевичи, переходящие на службу к Василию III. Так, в 1506 г. казанский царевич Петр Ибреимович написал о том, как он крестился и «учел служить великому князю Василью». К следующему, 1507 году относится «запись подтверженьная целовальная князя Костентина Острожского, как он бил челом великому князю Василью Ивановичу, всеа Руси и обещал служить». Обе записи скреплены рукой и печатью митрополита Симона³⁵. Подобные записи были призваны играть прежде всего предупредительно-профилактическую роль.

Соответствующая задача решалась на основе расширения круга обязательств и запретов, которые возлагались на подданных великого князя Московского при целовании креста. Причем обязательства и запреты касались не только совершения или несовершения каких-либо действий (например, «никуда не отъехать»), но и самого образа действий («служить князю, княгине и их детям» «вправду, безо всякие хитрости»), а также и образа

³¹ По свидетельству московской летописи, «князь великий вятчан земских людей в Боровце да в Кременце посади, а арских людей... отпустил в свою землю, а крамольников смертию казни». Устюжская летопись уточняет: «И писалися вятчан в слуги великому князю» (Алексеев Ю.Г. Указ. соч. С. 16–18).

³² Алексеев Ю.Г. Указ. соч.

³³ Алексеев Ю.Г. Указ. соч. С. 27.

³⁴ Российское законодательство X–XX веков. М., 1985. Т. 3: Акты Земских соборов. С. 263.

³⁵ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 471.

мыслей соответствующего лица («лиха... не мыслити, ни думати, ни делати» и «о готовящемся на государя лихе известить»)³⁶.

При этом, как свидетельствуют документы, целовавший крест представлял поручителей, которые отвечали за него денежной суммой от 2 до 20 000 рублей³⁷. Так, «запись поручная по князе Михаиле Львовиче Глинском» от 1527 г. свидетельствует о том, что «поручичи... ручались в 5 рублех»³⁸.

Подобное содержание крестоцеловальных записей позволяло признавать изменником как тех, кто реально совершил запрещенное деяние (например отъезд за границу), так и тех, кто только «замыслил лихо» на государя.

В некоторых крестоцеловальных записях обязанность «не отъезжать» формулировалась более определенно. В конкретных внешнеполитических условиях 20-х гг. XVI в. речь шла о предупреждении отъезда в Литву. Например, в 1529 г. митрополит Московский Даниил скрепил запись князя Федора Михайловича Мстиславского, как он приехал из Литвы к великому князю Василию Ивановичу и целовал крест «в литовском отъезде»³⁹.

Наряду с первичными крестоцеловальными записями, появляются и так называемые *записи проклятые*⁴⁰. Их писали те, кто нарушили обязательства перед великим князем, но по «печалованию» митрополита были прощены. Прощеный изменник составлял крестоцеловальную запись с проклятьем самому себе и своему роду в случае повторного нарушения верности великому князю Московскому. Так, по записи князя Ивана Федоровича Бельского 1525 г., «он целовал крест великому князю Василью Ивановичу всеа Русии у чудотворцовы Петровы раки с проклятьем, за челобитьем Данила, митрополита московского и всеа Русии, и всего освященного собору...»⁴¹.

Постепенно сложилась и специфическая форма судопроизводства по делам о

наказании изменников. Их судьба зависела от характера деяния или умысла изменника, наличия или отсутствия «челобитья» церковных иерархов, а в конечном счете – от решения великого князя. Подобная категория дел получает устойчивое наименование «*изменные дела*».

Ко времени княжения Василия III относится не только широкое распространение односторонних крестоцеловальных записей, но и заключение последних договорных целовальных грамот. Их целями были окончательное утверждение великого княжения за наследником Василия III Иваном и предупреждение возможных посягательств на престол со стороны брата Василия III Юрия. Так, в грамоте от 24 августа 1531 г. закреплялись обязательства Юрия: хотеть Василию и его детям «добра везде во всем и до живота», иметь общих недругов и друзей. «А с кем будешь ты в целованье, и тебе тому целованье сложити; а и впредь тебе, опричь меня Великого Князя и моего сына Князя Ивана, в целованье ни с кем не быти. А что ты слышев о нашем добре, и о моем сыне о Иванове добре, и о наших детех добре или о лихе от крестьянина, или от литвина, или от иноверца, от кого ни буди: то ти мне и моему сыну Ивану, и нашим детем поведати в правду, без примышления».

В отношении всех земель, которые получил «от отца или от бога» Василий III, его брат Юрий должен был «того подо мною под великим князем, и под моим сыном Иваном, и под нашими детми блюсти и не обидити, ни вступатися ни во что, и не подыскивати... А придет божья воля, возмет бог меня... тебе сына моего Ивана держати в мое место... а великих ти княжеств под ним, и под моею великою княгинею, и под нашими детми блюсти и не обидити, ни вступатися, ни подыскивати никакими делы, никоторою хитростью»⁴². Обвинение в неисполнении этого обязательства и «подозрение в домогательстве престола» дало основание после смерти Василия III заключить князя Юрия за измену в темницу, где он умер 3 августа 1536 г.⁴³

Таким образом, измена великому князю Московскому и всея Руси по своему содержанию состояла в неисполнении обязанностей, зафиксированных в заключаемых под религиозной присягой договорах и в крестоцеловальных записях. Договоры закрепляли следующие обязательства:

⁴² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 142–143.

⁴³ Указ. соч. С. 144.

³⁶ Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. С. 165–166.

³⁷ Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. С. 166.

³⁸ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 472.

³⁹ Указ. соч. С. 473.

⁴⁰ 15 сентября 1446 г. крестным целованием и проклятиями грамотами «укрепил» соглашение со своим покаявшимся двоюродным братом Василием II Дмитрий Шемяка (Полное собрание русских летописей. СПб., 1910. Т. 23. С. 153).

⁴¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 472.

- «не дружить и не ссылаться с недругами государя»;
- хотеть ему добра, «не ссылаться и не одиначиться» ни с кем «на лихо» государя, сообщать государю все услышанное о его «добре или лисе»;
- «отчину» великого князя «блюсти, и не обидети, ни вступатися, ни подыскивати никоторую хитростью».

Крестоцеловальные записи предусматривали также обязанности:

- «никуда не отъехать»;
- «служить князю, княгине и их детям» «вправду, безо всякие хитрости»;
- «лиха... не мыслити, ни думати, ни делати» и «о готовящемся на государя лихе известить».

Общим для всех форм измены было обстоятельство, характеризующее способ со-

вершения преступления (схожий по своей уголовно-правовой природе с обманом), – невыполнение взятых под клятвой обязательств и злоупотребление доверием, сопряженное с клятвопреступлением.

Решающее значение имела характеристика личности изменника, нарушившего обязательство верности, то есть посягнувшего на основополагающие принципы общественного устройства того времени, а потому представляющего повышенную опасность и заслуживающего церковного и светского наказания.

Нарушение обязательств перед «государем всея Руси», данных под крестным целованием, приобрело в первой половине XVI в. характер не просто измены конкретному князю, а осуждаемой церковью измены Московскому государству, которое великий князь олицетворял.

Библиография:

1. Агузаров Т.К., Чучаев А.И. Уголовно-правовая охрана власти (XI – начало XX в.) : исторические очерки. – М., 2011.
2. Алексеев Ю.Г. Судебник Ивана III: традиция и реформа. – СПб., 2001.
3. Белковец Л.П. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей как памятники права Московской Руси XIV–XV вв. // История государства и права. – 2012. – № 20.
4. Голикова И.Б. Организация политического сыска в России XVI–XVII вв. // Государственные учреждения России XVI–XVII вв. – М., 1991.
5. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / С.В. Бахрушин, Л.В. Черепнин. – М.; Л., 1950.
6. Исследование начал уголовного права, изложенных в Уложении царя Алексея Михайловича / В. Линовский. – Одесса, 1847.
7. Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. – СПб., 1910.
8. Полное собрание русских летописей. Т. 12. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью / под ред. С.Ф. Платонова при участии С.А. Адрианова. – СПб., 1901.
9. Полное собрание русских летописей. Т. 23. Ермолинская летопись / под ред. Ф.И. Покровского. – СПб., 1910.
10. Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века / под ред. М.Н. Тихомирова. – М.-Л., 1949.
11. Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. – М. : Наука, 1986.
12. Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. Ч. 1. – М., 1986.
13. Рогов В.А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII вв. – М., 1995.
14. Савченко Д.А. История российского законодательства об ответственности за государственные преступления. – Новосибирск, 2002.
15. Соловьев К.А. Власть Московского государя во второй половине XV в.: официальная позиция // Политическая концептология. – 2012. – № 4.
16. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 6. – М., 1979.
17. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. В 3 томах, в 6 книгах. Репринтное издание. – М., 1989.
18. Тельберг Г.Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века. – М., 1912.
19. Флоря Б.Н. Исповедные формулы о взаимоотношениях церкви и государства в России XVI–XVII вв. // Одиссей. Человек в истории. 1992 : Историк и время. – М., 1994.

20. Kollmann Nancy Shields. Crime and punishment in early modern Russia. –Cambridge, 2012.
 21. Кодан С.В. Презумпции знания закона в российском праве: формирование, закрепление, обеспечение (XVI – начало XX в.) // Право и политика. – 2012. – № 11.

References:

1. Aguzarov T.K., Chuchaev A.I. Ugolovno-pravovaya okhrana vlasti (XI – nachalo XX v.) : istoricheskie ocherki. – M., 2011.
2. Alekseev Yu.G. Sudebnik Ivana III: traditsiya i reforma. – SPb., 2001.
3. Belkovets L.P. Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh knyazei kak pamyatniki prava Moskovskoi Rusi XIV–XV vv. // Istoriya gosudarstva i prava. – 2012. – № 20.
4. Golikova I.B. Organizatsiya politicheskogo syska v Rossii XVI–XVII vv. // Gosudarstvennye uchrezhdeniya Rossii XVI–XVII vv. – M., 1991.
5. Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh knyazei XIV–XVI vv. / S.V. Bakhrushin, L.V. Cherepnin. – M.; L., 1950.
6. Issledovanie nachal ugovnogo prava, izlozhennykh v Ulozhenii tsarya Alekseya Mikhailovicha / V. Linovskii. – Odessa, 1847.
7. Platonov S.F. Ocherki po istorii Smuty v Moskovskom gosudarstve XVI–XVII vv. – SPb., 1910.
8. Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 12. VIII. Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu / pod red. S.F. Platonova pri uchastii S.A. Adrianova. – SPb., 1901.
9. Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 23. Ermolinskaya letopis' / pod red. F.I. Pokrovskogo. – SPb., 1910.
10. Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 25. Moskovskii letopisnyi svod kontsa XV veka / pod red. M.N. Tikhomirova. – M.-L., 1949.
11. Razvitie russkogo prava v XV – pervoi polovine XVII v. – M., 1986.
12. Russkii feodal'nyi arkhiv XIV – pervoi treti XVI veka. Ch. 1. – M., 1986.
13. Rogov V.A. Istoriya ugovnogo prava, terrora i repressii v Russkom gosudarstve XV–XVII vv. – M., 1995.
14. Savchenko D.A. Istoriya rossiiskogo zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za gosudarstvennye prestupleniya. – Novosibirsk, 2002.
15. Solov'ev K.A. Vlast' Moskovskogo gosudarya vo vtoroi polovine XV v.: ofitsial'naya pozitsiya // Politicheskaya kontseptologiya. – 2012. – № 4.
16. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 6. – M., 1979.
17. Sreznevskii I.I. Slovar' drevnerusskogo yazyka. V 3 tomakh, v 6 knigakh. Reprintnoe izdanie. – M., 1989.
18. Tel'berg G.G. Ocherki politicheskogo suda i politicheskikh prestuplenii v Moskovskom gosudarstve XVII veka. – M., 1912.
19. Florya B.N. Ispovednye formuly o vzaimootnosheniyakh tserkvi i gosudarstva v Rossii XVI–XVII vv. // Odissei. Chelovek v istorii. 1992 : Istorik i vremya. – M., 1994.
20. Kollmann Nancy Shields. Crime and punishment in early modern Russia. –Cambridge, 2012.
21. Kodan S.V. Prezumptsii znaniya zakona v rossiiskom prave: formirovanie, zakreplenie, obespechenie (XVI – nachalo XX v.) // Pravo i politika. – 2012. – № 11.

Материал поступил в редакцию 29 июля 2013 г.